

Рибо Теодюль

**Воля в ее нормальном и
болезненном состояниях: La
volonté**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Т33

Т33 **Теодюль Р.**
Воля в ее нормальном и болезненном состояниях: La volonté / Рибо Теодюль – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-519-80660-2

Заглавие оригинала: Les maladies de la volonté, Переведено также под заглавием: Болез-
ни воли

ISBN 978-5-519-80660-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Втеченіе послѣднихъ лѣтъ многіе авторы, особенно иностранные, подробно разсмотрѣли нѣкоторые отдѣлы психологіи съ точки зрѣнія теоріи эволюціи (развитія). Но мнѣ кажется, что слѣдовало бы еще заняться разсмотрѣніемъ этихъ вопросовъ въ томъ же духѣ, только подъ другой формой, а именно съ точки зрѣнія ученія о диссолюціи (разложеніи).

Я предполагаю въ этомъ трудѣ поступать съ изученіемъ воли такимъ же образомъ, какъ я поступалъ раньше при изученіи памяти: я постараюсь изслѣдовать аномаліи воли и изъ этого изслѣдованія вывести заключенія относительно ея нормальнаго состоянія. Но на этотъ разъ задача гораздо менѣе легка: терминъ воля обозначаетъ нѣчто болѣе неопредѣленное, чѣмъ терминъ память. Что-бы ни опредѣляли мы этимъ послѣднимъ именемъ — функцію, свойство или способность — во всякомъ случаѣ это нѣчто болѣе понятное, нѣкоторое психическое состояніе, почти всѣми понимаемое одинаково. Воля, напротивъ, сводится на хотѣнія, изъ

которыхъ каждое представляетъ лишь одинъ моментъ, она является измѣняющеюся формою дѣятельности, какъ-бы равнодѣйствующей, зависящей отъ производящихъ ее причинъ.

Кромѣ этого перваго затрудненія, есть и другое, которое можетъ показаться еще большимъ, о которомъ мы скажемъ лишь вскользь. Можно-ли разсматривать патологію воли, не касаясь неразрѣшимаго вопроса о свободѣ воли? — Это намъ кажется не только возможнымъ, но даже необходимымъ. Онъ оставляется нами безъ разсмотрѣнія не изъ робости, но изъ желанія поступать согласно нашему методу. Какъ всякая другая опытная наука, психологія должна строго воздерживаться отъ отысканія первыхъ причинъ. Вопросъ же о свободѣ воли, относится къ ихъ числу. Одна изъ большихъ заслугъ критики Канта и его послѣдователей заключается въ томъ, что она сводитъ вопросъ о свободѣ воли къ знанію—можетъ-ли человѣкъ выйти изъ цѣпи дѣйствій и причинъ, чтобы стать абсолютнымъ началомъ. Эта возможность „вызывать, прекращать и исключать“, какъ ее опредѣляетъ одинъ современный ученый, глубоко изучившій этотъ вопросъ *), можетъ быть допущена лишь въ томъ случаѣ, если мы вдадимся въ метафизику.

Но здѣсь мы подобныхъ попытокъ дѣлать не станемъ. Единственнымъ предметомъ нашего изу-

*) Renouvier, Essai de critique générale, 2 издание, I, 65—40, 39.

ченія будетъ изслѣдованіе воли въ предѣлахъ внутренняго и внѣшняго опыта. Мы изучаемъ хотѣнія, какъ факты, съ ихъ непосредственными причинами, другими словами—съ мотивами, которые ихъ произвели, не обращая вниманія на то, зависятъ ли эти причины отъ безконечнаго ряда причинъ, или же здѣсь имѣетъ мѣсто самопроизвольность. Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, можетъ быть одинаково подходящимъ и для защитниковъ детерминизма, и для его противниковъ, можетъ согласоваться и съ той, и съ другой гипотезой. Впрочемъ, мы предполагаемъ вести наши изслѣдованія такимъ образомъ, чтобы отсутствіе какого бы то ни было рѣшенія въ этомъ направленіи не могло быть ни разу замѣчено.

И постараюсь показать въ концѣ этого изслѣдованія, что въ каждомъ актѣ воли есть два различные между собой элемента: 1) состояніе сознанія— „я хочу“, которое показываетъ перемѣну, но само па эту перемѣну вліянія не имѣетъ; 2) психо-фізіологическій механизмъ, очень сложный, который одинъ только обладаетъ способностью производить дѣйствіе и прекращать его. Такъ какъ этотъ общій выводъ является лишь результатомъ частныхъ выводовъ, добытыхъ посредствомъ изслѣдованія патологическихъ фактовъ, то я пока исключаю изъ этого вступленія всякій систематическій взглядъ; я ограничусь изученіемъ воли въ ея двойномъ механизмѣ — побужденія и задержки — и въ ея источ-

никъ—личною характеръ, пренебрегая при этомъ всѣми подробностями, не относящимися къ нашему вопросу *).

1. ВОЛЯ КАКЪ ИМПУЛЬСИВНАЯ СИЛА.

Основнымъ принципомъ, который управляетъ психологіей воли въ ея импульсивной формѣ, какъ въ состояніи здоровомъ, такъ и въ состояніи болѣзненномъ, является то, что всякое состояніе сознанія всегда имѣетъ стремленіе перейти въ движеніе, въ дѣйствіе. Этотъ принципъ представляетъ лишь частный случай, принадлежащій психологіи, такого основнаго закона: рефлексъ есть единственный типъ всякой нервной дѣятельности, всѣхъ жизненныхъ отношеній. Собственно говоря, дѣятельность въ животномъ является не началомъ, по концомъ, не причиной, по слѣдствіемъ, не исходнымъ пунктомъ, по продолженіемъ. Это наиболѣе важный пунктъ, котораго никогда нельзя терять изъ виду, и который одинъ объясняетъ психологію и патологію воли, потому что это стремленіе каждаго состоянія сознанія сдѣлаться дѣйствіемъ пси-

*) Можно найти въ новой книгѣ Шнейдера: *Der menschliche Wille vom Standpunkte der neueren Entwicklungstheorien*, Berlin, 1882,—хорошую монографію о волѣ въ нормальномъ состояніи и съ точки зрѣнія теоріи развитія. Мы сожалѣемъ, что познакомились съ этой книгой только тогда, когда этотъ трудъ былъ почти уже оконченъ.

хологическимъ или фізіологическимъ, сознательнымъ или безсознательнымъ, есть простой фактъ, къ которому сводятся всевозможныя проявленія наиболѣе высокой дѣятельности воли.

Новорожденный, какъ говоритъ Вирховъ, составляетъ лишь „существо спинно-мозгового характера“. Его дѣятельность совершенно рефлкторна; она проявляется въ такой массѣ движеній, что трудность воспитанія долгое время заключается въ томъ, чтобы подавить или обуздать большую часть этихъ движеній. Это распространеніе рефлексовъ, объясняемое анатомическими отношеніями, представляетъ въ наиболѣе простой формѣ переходъ раздраженій въ движеніе. Сознательны-ли эти послѣднія, или являются лишь зачаткомъ сознанія,—во всякомъ случаѣ они не представляютъ собой дѣятельности воли; они собственно составляютъ лишь дѣятельность видовую, пріобрѣтенную, организовавшую и укрѣпленную благодаря наслѣдственности; по это—матеріалы, изъ которыхъ образуется потомъ воля.

Желаніе представляетъ переходный пунктъ отъ рефлкторнаго состоянія къ волевому. Желаніемъ мы называемъ наиболѣе элементарныя формы чувственной жизни, которыя одни только могутъ имѣть мѣсто, пока не появилась жизнь интеллектуальная. Съ фізіологической точки зрѣнія они не отличаются отъ сложныхъ рефлексовъ. Съ психологической—они отличаются тѣмъ состояніемъ сознанія, часто очень напряженнымъ, которое ихъ со-

провождаетъ. Ихъ стремленіе перейти въ дѣйствія такъ же непосредственно и неотразимо, какъ стремленіе рефлексовъ. Въ естественномъ состояніи, притомъ еще чистомъ отъ всякой примѣси, желаніе ищетъ немедленнаго удовлетворенія; это его законъ, основаніе котораго лежитъ въ организмѣ. Дѣти и дикари представляютъ прекрасные примѣры этому. У взрослого желаніе не является уже въ своемъ естественномъ состояніи; воспитаніе, привычка, размышленіе искажаютъ или обуздываютъ его. Но часто оно возвращаетъ себѣ свои права, и исторія показываетъ намъ, что у деспотовъ, которыхъ собственное мнѣніе и мнѣніе другихъ ставятъ выше всякаго закона, оно всегда сохраняетъ свои права.

Патологія покажетъ намъ, что эта форма дѣятельности усиливается, когда ослабляется воля, и продолжаетъ существовать, когда воля исчезла. Однако она является шагомъ впередъ при первомъ періодѣ жизни, потому что она показываетъ начало личности. На общемъ фонѣ видовой дѣятельности желанія неясно очерчиваютъ характеръ личности; они опредѣляютъ лишь способъ воздѣйствія даннаго организма.

Какъ только пріобрѣтенный опытъ станетъ достаточнымъ для того, чтобы интеллектъ могъ зародиться, образуется новая форма дѣятельности, къ которой всего болѣе подходитъ названіе идеодвигательной, потому что здѣсь идеи являются причи-

нами движеній. Это названіе еще болѣе удачно потому, что оно показывасть родство этой формы дѣятельности съ рефлексами, по отношенію къ которымъ она представляется лишь болѣе усовершенствованною.

Какимъ образомъ идея можетъ быть причиной движенія? Это вопросъ, который не умѣла разрѣшить старая психологія, по которой становится простымъ, когда изучаютъ факты въ ихъ настоящемъ видѣ. Въ настоящее время въ фізіологіи мозга общепризнанной истиной является то, что анатомическая основа всѣхъ нашихъ умственныхъ состояній обладаетъ одновременно и двигательными элементами, и чувствительными. Я не буду заниматься здѣсь вопросомъ, который подробно разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ *), и который отвлекъ бы наше вниманіе. Вспомнимъ лишь то, что наши воспріятія, и особенно важнѣйшія изъ нихъ—зрительныя и осязательныя, заключаютъ въ себѣ въ качествѣ составныхъ элементовъ воспріятія отъ движеній глаза или членовъ; и признавая движеніе необходимымъ элементомъ въ томъ случаѣ, когда мы видимъ предметъ въ дѣйствительности,—мы въ то же время должны признать, что оно играетъ такую же роль и тогда, когда предметъ является передъ нами мысленно. Образы и идеи, даже отвлеченные, пред-

*) *Revue philosophique*, октябрь 1879 г., стр. 371 и слѣд.

полагають такую анатомическую основу, въ которой движенія имѣють извѣстное значеніе.

При ближайшемъ изслѣдованіи вопроса надо различать два рода двигательныхъ элементовъ: тѣ, которые помогаютъ образованію состоянія сознанія, и тѣ, которые способствуютъ внѣшнему выраженію этого состоянія; одни—внутренніе, другіе—внѣшніе. Напр., представленіе о шарѣ является равнодѣйствующей, образуемой впечатлѣніями, отъ поверхности и пѣкоторыхъ приспособленій мускуловъ; но эти послѣдніе составляютъ результатъ мышечной чувствительности и въ этомъ смыслѣ они скорѣе являются лишь ощущеніями движенія, чѣмъ самими движеніями, иначе говоря: это скорѣе образовательные элементы нашего представленія, чѣмъ способъ его внѣшняго выраженія.

Во всякомъ случаѣ это тѣсное соотношеніе, установленное фізіологіей между идеей и движеніемъ, объясняетъ намъ то, какимъ образомъ одно производитъ другое. Въ дѣйствительности идея не можетъ производить движенія: нѣчто чудесное представляло-бы это полное и внезапное измѣненіе функцій. Идея, мгновенно производящая игру мышцъ, какъ представляютъ ее спиритуалисты, была-бы чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Не самое состояніе сознанія, но соотвѣтствующее ему фізіологическое состояніе переходитъ въ дѣйствіе. Повторяю, соотношение не имѣетъ мѣста между психическимъ состояніемъ и движеніемъ, но лишь между двумя

однородными, фізіологическими состояніями, между двумя группами нервныхъ элементовъ — чувствительной и двигательной. Если продолжать видѣть причину въ сознаніи, то все остается неяснымъ; если же смотрѣть на него, какъ на простого спутника извѣстнаго нервнаго процесса, который одинъ только имѣетъ существенное значеніе,—то все становится ясно, и искусственныя затрудненія исчезаютъ.

Согласившись съ этимъ, мы можемъ вкратцѣ распредѣлить идеи на три группы, принимая въ расчетъ то, насколько сильно, умѣренно или слабо ихъ стремленіе превратиться въ дѣйствіе, или даже когда, въ нѣкоторомъ смыслѣ, подобнаго стремленія не замѣчается вовсе.

1) Первую группу составляютъ умственные состоянія, чрезвычайно напряженные (такъ называемыя *idées fixes* могутъ служить ихъ типомъ). Они переходятъ въ дѣйствіе роковымъ образомъ, съ быстротою почти равной быстротѣ рефлексовъ. Это идеи, которыя, такъ сказать „затрогиваютъ насъ за живое“. Старая психологическая школа, утверждая фактъ обыденнаго опыта, говорила, выражаясь по своему, что умъ дѣйствуетъ на волю лишь посредствомъ чувствительности. Это означаетъ, что первное состояніе, соотвѣтствующее данной идеѣ, превращается въ дѣйствіе легче, когда сопровождается другими нервными состояніями (каковы бы они не были), которыя соотвѣтствуютъ чувствамъ. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что нерв-

ная дѣятельность наиболѣе энергична въ томъ случаѣ, когда въ ней заключено большее число элементовъ.

Большая часть страстей, какъ только онѣ переходятъ уровень простыхъ желаній, входятъ въ составъ этой группы, какъ основанія дѣятельности. Вся разница состоитъ въ степени, смотря по тому, преобладаютъ-ли въ цѣлости аффективные элементы, или наоборотъ *).

2) Вторая группа для насъ наиболѣе важна. Она представляетъ разумную дѣятельность, волю въ настоящемъ смыслѣ слова. Здѣсь идея вызываетъ движеніе послѣ краткаго или продолжительнаго разсужденія. Можно сказать, что большая часть нашихъ дѣйствій относится къ этому типу, кромѣ вышеуказанныхъ формъ и привычекъ. Встаю-ли я, чтобы подышать воздухомъ у окна, или поступаю на службу, чтобы сдѣлаться впослѣдствіи генераломъ,—разница заключается только въ степени: хотѣніе, весьма слож-

*) Относительная независимость идеи и чувства, какъ причинъ движенія, ясно доказывается нѣкоторыми патологическими случаями. Случается, что идея движенія сама собою не можетъ вызвать движеніе; но, когда присоединяется чувство, движеніе происходитъ. Человѣкъ, страдающій параличомъ, никакимъ усиленіемъ воли не можетъ двигать рукой; между тѣмъ рука его дѣлаетъ сильное движеніе подъ вліяніемъ чувства, вызваннаго пріѣздомъ друга. Въ случаяхъ размягченія мозга, за которымъ слѣдуетъ параличъ, какое-нибудь волненіе, вопросъ, обращенный къ больному, могутъ вызвать очошь сильныя движенія въ нижнихъ конечностяхъ, на которыя воля не имѣетъ дѣйствія.